

УДК 39+930.85
DOI: 10.17223/19988613/53/33

Г.Ю. Колева

**ИСТОРИК ДОЛЖЕН УМЕТЬ ЧИТАТЬ ИСТОЧНИКИ:
РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ М.С. ЛИТВИНЧУК «СУРГУТЯНЕ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ГРУППА РУССКИХ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.»**

Современная историческая наука наряду с возросшими объемами исторических исследований проявляет тенденции, требующие осмысления и определенного противодействия. На это обращали внимание Н.С. Ларьков [1. С. 127], В. Журавлев, В. Рынков, Д. Симонов [2. С. 206–211]. Преодоление этих явлений авторы видят «в развитии институтов и механизмов рецензирования» [Там же. С. 211].

В статье М.С. Литвинчук «Сургутяне как этнографическая группа русских в XIX – начале XX вв.» [3] рассматривается проблема, не имеющая ни историографии, ни существенной источниковой базы. И, конечно, столь не изученная проблема достойна исследовательского внимания. В статье речь ведется о населении городка севера Российской империи – Сургута, судьба которого резко изменилась во второй половине XX в. Численность горожан стала интенсивно расти, ядро коренного населения размывалось... Прошлое уходило, а источниковая база по истории города оказалась очень скудна. Вопрос, как могли выглядеть жители этого города в прошлом, при его бурном настоящем вызывает интерес. Основной вывод статьи М.С. Литвинчук претендовал на новое, открытое историком знание. Автор, опираясь на теорию фронта, идеи «возникновения специфических этнографических групп русских в Сибири», пришла к выводу, что сургутяне к рубежу XIX–XX вв. «сформировались в особую этнографическую группу», наделенную определенными отличиями. При этом территориальные рамки исследования постоянно меняются, и не понятно, сургутяне для М.С. Литвинчук – это только жители города Сургута или же и Сургутского уезда, а последний простирался до арктических зон.

М.С. Литвинчук учла выводы авторов исследования «Русские: история и этнография» [4. С. 60–100] о возникновении «в этнической истории русских» «локальных... сообществ» [Там же. С. 75] с отличиями в культуре, но сочла, что «специфика истории Сургута» привела к изменениям антропологических и фенотипических черт населения, проявившихся в «метисированном монголоидном облике». Главная причина этого коренилась в «малочисленности служилых людей Сургута», «взаимодействии между русскими и коренными жителями», отчего сургутяне напоминали «остяков своими скаластыми лицами и узким разрезом глаз» [3. С. 76].

Общеизвестно, что с конца XVI до конца XIX в. основную часть населения Сургута составляло казачество. Население формировалось выходцами с территории северо-запада России, пополнялось ссыльными, пленными, раскольниками, часто верставшимися в казаки [5. С. 125, 127]. Казаки представляли мобильную категорию населения, направлялись во вновь осваиваемые территории. При этом в Сургуте на протяжении веков отмечались повторяющиеся фамилии, что свидетельствовало о наличии постоянного контингента городского населения. Преобладание мужского населения и нехватка женского в Сибири изначально поставили вопрос о привлечении женщин: наборами на том же северо-западе России, разрешением увозить из городов «жен и девиц», чем казаки широко пользовались [6. С. 49].

Базовым и единственным источником в работе М.С. Литвинчук явилась публикация бывшего ссыльного С.П. Швецова [7]. Основания рассматривать книгу С.П. Швецова в качестве источника есть: он очевидец событий, наблюдатель жизни сургутян XIX в. Однако в работе с источником прослеживаются чрезмерная доверчивость и некритическое к нему отношение, в некоторых случаях невнимательное чтение текста. Из этого источника воспроизводится внешний облик сургутян, «обладавших низким ростом, приземистостью и невзрачностью всей фигуры», напоминающей «скорей медведя», а черты лиц «неправильны и резки», «развитые скулы, широкий некрасивый рот», «узкие глаза, без выражения, или, пожалуй, с выражением придурковатости» [Там же. С. 6]. Используя содержание книги С.П. Швецова, М.С. Литвинчук приходит к выводам о монголоидном облике сургутян. В основе возникновения этих черт внешности – смешение с остяцким населением. Однако при внимательном чтении книги можно увидеть, что С.П. Швецов выделял две группы сургутян: первая – «действительно русские», т.е. которые «сохраняют внешность, язык, обычаи»... присущие русским [Там же]; вторая – «смесь русского типа с остяцким», «происходящая от смешанных браков с остяками *потомков русских крестьян*». Следует подчеркнуть: указано на смешанные браки потомков русских крестьян с остяками. Но этот кусок текста С.П. Швецова М.С. Литвинчук оставляет без внимания,

как и то, что С.П. Швецов писал, что «смешанными в Сургуте было 5–10 семей, и оговаривался – «по крайней мере, недавнего происхождения» [7. С. 76]. Исследователь должен был бы обратить внимание на то, что речь идет о смешении только крестьян с остяками, а далее нужно было бы выяснить долю крестьян в составе сургутян. Базовой категорией населения Сургута было казачество [8. С. 32–37] с преобладающим удельным весом. Крестьянство в структуре населения Сургута не могло составлять более 10–15%. Таким образом, доля «монголоидных сургутян» была такова, что ее нельзя распространять на все население.

Второе очень важное обстоятельство, на которое следовало бы обратить внимание в книге С.П. Швецова, касается «безнравственности» сургутян, проявившейся в издевательствах и насмешках над самоедами и «мертвым остяком» [7. С. 80]. На этих непривлекательных примерах С.П. Швецов делал вывод, что «инородцы отлично сознают, как враждебно и презрительно относятся к ним русские» [Там же. С. 82]. Можно только представить, в каком положении оказывался тот, кто осмеливался заключить брак, ведь, следуя логике этого сюжета, он обрекал себя на полное пренебрежение общества.

Книга С.П. Швецова полна противоречий: то он пишет о «грязи, толстым слоем покрывающим голову, лицо и руки» сургутян [Там же. С. 7], то указывает на «чистый, застланный половиками пол... стены... белены, или оклеены... светлыми обоями» [Там же. С. 63]. Да и в умственном отношении сургутяне «стоят» «очень низко» [Там же. С. 71], хотя по данным государственной статистики мужское население Сургута по грамотности в Тобольской губернии занимало первое место [9. С. 35].

Важнейшими источниками, свидетельствующими о том, из кого создавались семьи сургутян, являются метрические книги. Изучение метрических книг по поселениям юга Тобольской губернии с традиционным населением из числа казачества и их потомков показывает [10. С. 57–66], что заключение браков осуществлялось между историческими долговременными служилыми родами и их потомками и исторически связанными селами. Сургутское казачество как часть казачества Сибири не могло выработать иных черт в отношении базовых человеческих взаимодействий – заключения брачных отношений. Изолированность сургутян также не являлась абсолютной в силу того, что служба делала служилых людей очень мобильной категорией. С середины XIX в. Сургут получил окно в мир в условиях развития водного транспорта. Пароходы появились в жизни Сургута с 1846 г. В метрических записях Троицкой церкви Сургута [11] среди сургутян: Кайдаловы, Тверетиновы, Кондаковы, Клепиковы, Тарасовы, Новосильцевы, Куйвашевы, Проводниковы, Федуловы, Силины, Тупиковы. К середине и второй половине века фамилии сургутян становились более разнообразными, все чаще упоминались и новые поселенцы. Обнару-

женный нами документ о сургутянах, отслуживших в Петропавловской крепости и направленных на службу в Тобольск, дает описание их облика: возраст, рост, цвет волос, цвет глаз. Все те, кто входил в эту команду, – представили крупных казачьих родов Сургута. Их указанный рост не очень высокий: 170–176 см [12. Л. 378 об.]. Уцелевшие по г. Сургуту в очень ограниченном количестве метрические книги показывают, что браки в среде казачества и их потомков заключались преимущественно между казачьими семьями. Однако усложнение положения казачества с начала XIX в. повлекло переход части его представителей в мещанское и крестьянское сословия. У казаков появлялись жены из мещан и крестьян. Упоминаются жены и из семей тундринских становщиков, под которыми следует понимать тех, кто нес службу вне Сургута. Также допускаем включение в брачные отношения выслужившихся до определенного положения семей инородческого населения. Факты подобного рода по метрическим книгам единичны, но имеются. Но могли ли эти обстоятельства повлиять на изменение облика сургутян? Ответ на этот вопрос находим в таких вещественных источниках, как фотографии сургутян, в частности семей Торопчиновых, которые своим появлением в Сургуте восходят к середине XVII в., веками активно включены в жизнь города [5. С. 124, 137, 144], широко представлены в метрических книгах на протяжении XVIII, XIX вв. На сохранившихся фотографиях отражен европеоидный тип лиц. То, что они не были единственными в своем европеоидном облике в Сургуте, показывает фотография 1951 г. выпускников 7-го класса сургутской школы, представлявших второе поколение сургутян XX в. Жизнь Сургута к тому времени оставалась традиционной, обновление состава населения еще не началось. Фотография полностью опровергает тезис о «монголоидном облике» населения Сургута как базовый вывод М.С. Литвинчук.

Таким образом, предлагаемое в статье М.С. Литвинчук новое научное знание о сургутянах конца XIX – начала XX в. как особой этнографической группе, на наш взгляд, не имеет достаточного обоснования. Главный недостаток исследования заключается в том, что в его основу положен лишь один источник – «очерк» С.П. Швецова. Выводы исследования строятся на отдельных положениях источника, без его критического анализа. Ряд положений источника, противоречащих авторской концепции, игнорируется. Не привлечены архивные (метрические книги церкви г. Сургута) и вещественные (фотоматериал) источники. Следует учесть и то, что казачество, составлявшее на протяжении веков ядро населения Сургута, не могло руководствоваться иными принципами, чем казачество юга Тобольской губернии, в регулировании брачных отношений. Не являлась абсолютной и изолированность сургутян. Монголоидный тип лиц опровергается внешностью сургутян, зафиксированных фотографиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларьков Н.С. Количество без качества, или снова «в кроссовках по истории». Рецензия: Кокоулин В.Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май-ноябрь). Новосибирск, 2014. 548 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2. С. 125–128.
2. Журавлев В., Рынков В., Симонов Д. За пределами науки: по страницам имитационной историографии // Российская история. 2016. № 6. С. 206–211.
3. Литвинчук М.С. Сургутяне как этнографическая группа русских в XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 3. С. 75–79.
4. Русские: история и этнография / под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М., 2008. 752 с.
5. Древний город на Оби. История Сургута. Екатеринбург : Тезис, 1994. 336 с.
6. Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибири (в связи с историей заселения Сибири) / пред. авт. М. : Тип-фия т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 374 с.
7. Швецов С.П. Очерк Сургутского края. [Б. м.], 1889. 87 с.
8. Колева Г.Ю. Сургутское казачество: Торопчаниновы–Торопчиновы (XVII–XIX вв.) // ХМАО-Югра: исторические вызовы и ответы : материалы Всерос. науч. конф., 6 декабря 2013 г. Сургут : ИЦ СурГУ, 2013. С. 32–37.
9. Первая Всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисловием] Н.А. Тройницкого. СПб. : Изд. Цент. Стат. комитетом Мин-ва вн. дел, 1898–1905. Тобольская губерния. LXXVIII, 247 с.
10. Колева Г.Ю. Отголоски эпохи «Сибирского взятия»: Волковы из деревни Волковой у озера Волково // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2014. № 2. С. 57–66.
11. Государственный архив Тюменской области. Тобольский филиал. (ГАТО ТФ). Ф. И-156. Тобольская духовная консистория. Оп. 15. Д. 196.
12. ГАТО ТФ. И-154. Тобольская казенная палата. Оп. 1. Д. 2.

Koleva Galina Y. Tyumen Industrial Univesity (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

THE HISTORIAN MUST BE ABLE TO READ SOURCES // REVIEW: ARTICLE M. LYTVYNCHUK «THE INHABITANTS OF SURGUT RUSSIAN ETHNOGRAPHICAL GROUP IN THE XIX - EARLY XX CENTURIES».

Keywords: The Inhabitants of Surgut; ethnographical group; the townspeople; the Cossacks; the inhabitants.

In the offered review the analysis of the article by M.S. Litvinchuk is given. The purpose of the publication is to show insufficient scientific validity of the main research conclusion about “Mongoloid shape” of residents of Surgut of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The reason of changes in anthropological shape of the Russians who were inhabiting Surgut, M.S. Litvinchuk connects with the prevalence of the marriage relations of residents of Surgut with ostyaks. There is only one basis for this research and that is a non-critical and inattentively used source, the book by S.P. Shvetsov, who was in exile in Surgut in the 19th century.

REFERENCES

1. Larkov, N.S. (2015) Quantity without quality, or superficial knowledge of history. Review: Kokoulin V.G. Democratic counterrevolution: Siberia, the Volga region, Ural (May-November 1918). Novosibirsk, 2014. 548 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2. pp. 125–128. (In Russian).
2. Zhuravlev, V., Rynkov, V. & Simonov, D. (2016) Za predelami nauki: po stranitsam imitatsionnoy istoriografii [Outside of science: the pages of imitation historiography]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 206–211.
3. Litvinchuk, M.S. (2013) Surgutyane kak etnograficheskaya gruppa russkikh v XIX-nachale XX vv. [Residents of Surgut Russian ethnographical group in the 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnyye nauki Sibiri*. 3. pp.75–79.
4. Vlasova, I.V. & Tishkov, V.A. (eds) (2008) *Russkiye: istoriya i etnografiya* [The Russians: history and ethnography]. Moscow: AST.
5. Baranov, N. et al. (1994) *Drevniy gorod na Obi. Istoriya Surguta* [The ancient city on the Ob. History Surgut]. Ekaterinburg: Tezis.
6. Kiryakov, V.V. (1902) *Ocherki po istorii pereselencheskogo dvizheniya v Sibiri (v svyazi s istoriyey zaseleniya Sibiri)* [Essays on the history of colonisation in Siberia (in connection with the colonisation history of Siberia)]. Moscow: I.N. Kushnerev i K°.
7. Shvetsov, S.P. (1889) *Ocherk Surgutskogo kraya* [Essay about Surgut region]. [s.l., s.n.].
8. Koleva, G.Yu. (2013) [Surgut Cossacks: Toropchaninovy – Toropchinovy (the 17th – 19th cc.)]. *KhMAO-Yugra: istoricheskiye vyzovy i otvety* [KhMAO-Ugra: Historical Challenges and Responses]. Proc. of the Conference. Surgut. December 6, 2013. Surgut. pp. 32–37. (In Russian).
9. Troynitsky, N.A. (ed.) (1898–1905) *Pervaya Vserossiyskaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First All-Russian Population Census of the Russian Empire, 1897]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
10. Koleva, G.Yu. (2014) Otgoloski epokhi “Sibirskogo vzyat'ya”: Volkovy iz derevni Volkovoy u ozera Volkovo [Echoes of the “Siberian take” epoch: The Volkovs from the village of Volkovo near Lake Volkovo]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates – UT Research Journal. Humanities Research. Humanities*. 2. pp. 57–66.
11. The State Archives of the Tyumen Region. Tobolsky branch. (GATO TF). Fund I-156. List 15. File 196.
12. The State Archives of the Tyumen Region. Tobolsky branch. (GATO TF). Fund I-154. List 1. File 2.